

КАРАБАХСКИЙ ГЕНОЦИД: ОБРЕЧЕННЫЙ ХОДЖАЛЫ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ХРОНИКА ХОДЖАЛЫ... CHODJALI... CHOTSCHALE...

Татьяна ЧАЛАДЗЕ

Геноцид азербайджанского народа, бесчеловечная акция запланированно го массового убийства, сотворенная вооруженными армянскими сепаратистами над мирными жителями города Ходжалы в конце XX века, в 1992 году, в зимнюю ночь с 25 на 26 февраля.

Только за одну ночь были убиты 613 человек. Из них: детей - 63; женщин - 106; стариков - 70. 8 семей уничтожены полностью; 25 детей потеряли обоих родителей, 130 - одного родителя; ранено - 487 человек, из них - 76 дети; захвачено в плен — 1275 человек; пропало без вести - 197 человек, из них - 25 детей (9 девочек), 64 женщины, 47 людей пожилого возраста.

Город Ходжалы являлся историческим местом проживания населения и до 1992 года сохранил различные памятники древней истории. Вблизи города Ходжалы находились памятники Ходжалы-Гядабейской культуры, относящиеся к XIV-VII векам до н.э. Здесь были обнаружены погребальные памятники - каменные ящики, курганы и некрополи, относящиеся к эпохе поздней бронзы и раннего железа, а также имелись архитектурные памятники - круглый склеп (1356-1357 гг.) и мавзолей (XIV век). Во время археологических раскопок были найдены разнотипные украшения из камня, бронзы, кости, предметы быта из керамики и т.д. На одной из бусин, найденных в Ходжалы, на чертане имя ассирийского царя Ададнерари (807-788 гг. до н.э.).

В древности Азербайджан был одним из самых густонаселенных регионов. В тот период с конца второго до начала первого тысячелетия до н.э., в период поздней бронзы и раннего железа, жители Азербайджана создали одну из самых ярких и самобытных археологических культур Кавказа, известную сегодня под названием Ходжалы-Гядабейская культура. Памятники Ходжалы-Гядабейской культуры делятся на три группы: карабахскую (предгорно-горную), гядабейскую-горную и Гянджа-Гейгельскую (равнинно-предгорную).

Влияние этой археологической культуры можно проследить и на археологических памятниках Абшерона, Мугани и Нахчывана.

Сегодня город сожжен и разрушен, до сих пор находится под оккупацией военных формирований армянских сепаратистов. Часть жителей, чудом спасшихся от смерти, стала беженцами и вынужденными переселенцами в родной стране.

В чем разница между беженцами и вынужденными переселенцами?

Да, есть общепризнанная формулировка, регламентирующая юридическую границу между первыми и вторыми. А для самих людей, насильно разлученных с родным очагом, в чем разница? Ходжалинцы до сих пор не имеют понятия, кто они: беженцы или вынужденные переселенцы. Они называют себя просто - выжившие...

(Представляем вашему вниманию отрывок из книги Т. Чаладзе «Карабахский геноцид: Обреченный Ходжалы», изданной в г. Баку в 2009 г.)

...Та ночь... Кошмарная ночь. Ночь, в которую безжалостно расстреливались и шестилетние Самиры, и шести месячные Натаваны, отрубались головы старикам. Ночь, в которую изверги наслаждались стонами и воплями беззащитных сестер и матерей, подвергая их всяческим страданиям и издевательствам. Ночь, в которую человеческие тела расчленялись и, подобно книжным страницам, разбрасывались по лесу и склонам горы Кятеин...

Почему ты молчишь, Явер? Говори же, говори, малютка..., это ведь твоя трагедия, скажи, в лапы какого зверя ты попал?

Через несколько дней Явер заговорил: «Свет в нашем доме погас, я не мог уснуть. Когда началась стрельба, мы спустились в подвал соседа, через некоторое время мы побежали в сторону леса. Вблизи финских домиков... начали нас расстреливать из автоматов, все легли на землю, мама меня тоже заставила лечь. Армяне приказали, чтобы мы поднялись на ноги и выстроились в ряд, потом раненых отвели в одну сторону, а не раненых в другую... Нет, я не там был ранен, в меня после стреляли... потом нас отвели в Ханкенди. Турку Ахмед даи там отрубили голову. Сперва они заставили поднять руки, связали, а потом отрубили голову и стали играть ею. Как мячом. Что еще было? Дочь тети Ханум по имени Натаван застрелили из автомата, она много плакала... Натаван было два года».

Яверу, которому едва исполнилось семь лет, пришлось увидеть страшные кровавые сцены. В его бессвязные рассказы иногда вносила коррективы стоявшая рядом с ним мать: «Тогда сильно стреляли, мы

надеялись, что когда-ни будь прекратится, как раньше. Все спустились в подвалы... через несколько часов мы убе дились, что надо бежать, нас было человек сорок соседей. У дороги была расположена фа брика. Мы спрятались там, но снаряды танков разрушили подвал, выбравшись, мы бро сились бежать к лесу. Возле моста было какое-то строение, там мы увидели солдат, поз вавших нас по-азербайджан ски, мы побежали в их сторо ну, но потом увидели, что это русские и армяне. Мы побежа ли обратно, но они стали стре лять. Они подбежали к нам и потребовали, чтобы мы подня лись на ноги, отдали им свои золотые зубы, серьги, кольца. У мертвых они снимали сами. Здесь мы увидели, что в жи вых осталось четырнадцать че ловек. Один старик, став пе ред ними на колени, умолял, чтобы сохранили жизнь его единственному сыну. Однако этот юноша по имени Мугам тут же на глазах отца был убит. Это был сын Гумбатова Джамия... расстреляли также его дочь, жену и невестку, по сле издевательств. Самого Гумбатова Джамия взяли за ложником, только он сказал, что все равно не будет жить... Утром нас привели в Ханкен ди. Моего отца Салыбова Рагима Худаверди оглу куда-то увели, больше я его не видела. При нас отрубили голову месхетинскому турку, отрезали ему уши и захватили с собой.

Его отрубленную голову они потом пинали, звали покойно го Ахмед. Мой сын, семилет ний Явер Алиев, был ранен в двух местах из автомата, на моих глазах убили двух внуков и невестку моей старшей сест ры. Двухлетнюю Натаван заст релили, чтобы не плакала, ее мать убили раньше... Мой пле мянник, сын сестры, и ее муж были сильно ранены, об их судьбе мне ничего не извест но».

Оруджева Хатира Тельман гызы, восемь лет: «...Мы уже спали, нас разбудили шум и гром. Когда я встала с постели, то увидела, что у соседей горит дом. Мы побежали... мой отец, моя мать и мы вчетвером. Моя тетя Севиль тоже была с нами и соседи с двумя детьми, потом дядя Шаиг сказал, что надо бе жать в лес. Вначале и отец, и мать были рядом со мной, моя маленькая сестричка Хаяла была у матери на руках, а дру гая — на руках у отца. У села Нахчиваник мы снова спрята лись. Когда рассвело, первой застрелили мою маму. Потом выстрелили в тетю Севиль. Когда стреляли в меня, моя ма ма лежала рядом со мной, она была в крови, и мы не могли бежать, отца мы еще раньше потеряли в лесу. Мне больно не было, просто ничего не по мно, ведь меня немножко уби ли... один раз увидела, что ме ня кто-то несет, но кто не ви дела...» У Хатиры огнестрель ные ранения в плечо и в груд ную клетку, задето легкое, произошло кровоизлияние плевры, пулями перебиты реб ра.

Абдуллаева Вусалия, четы ре года. О, Боже, разве можно стрелять в четырехлетнего младенца? Что можно спро сить у Вусали? Как об этом писать? Разве возможно четы рехлетней малышке ампутиро вать ногу в результате огнест рельного ранения?! Можно сказать только одно, лучше бы ты, девочка, встретила с хищными волками... Волки бы тебя не тронули, они бы тебя взяли к своим волчатам и вскормили вместе с ними...

Абдуллаева Хаяла, полто ра года. О, если бы ты могла говорить, Хаяла... Двадцатиче тырехлетняя мать, прижимая свою малышку, рассказывала: «...В тот день я осталась в до ме отца. Мы спали, когда под нялась стрельба. Я в окно уви дела, что все горит. Мы броси лись к соседям, у которых обычно прятались во время перестрелки. Сын соседа, Вугар Ибрагимов, прибежал к колодцу и сказал, что надо сейчас же бежать, что армяне не одни, а с русскими. Бежало очень много людей, почти все. Здесь были мой отец и моя мать, моя сестра и две мои до чери, еще племянник, сын брата. Мы два дня прятались в лесу, в снегу. На третий день нас окружили. Моя бабушка, Гасанова Гейчак, тут же умер ла от разрыва сердца. Отец снял пиджак и набросил на нее. Мы побежали, в нас стре ляли. Оставляя на снегу мерт вых и раненых, мы продолжа ли бежать. Когда мы добежали до подножья какой-то горы, моя сестра, семнадцатилетняя Лятифят Абдуллаева, сказала, что она больше не может бе жать, села на землю. Я страш но на нее рассердилась... я сказала отцу, чтобы он убил ее, что она нас хочет выдать... Отец взял Лятифят на руки и сел на землю... О Боже, она умерла... Отец накрыл ее ру башкой... мы побежали. Вдруг отец остановился, сказал: «О, Аллах, смилуйся над детьми» и упал — умер. Труп отца Гасана Гасанова остался там ле жать, мне нечем было его на крыть... нас осталось три сест ры: двадцатитрехлетняя Тазагюль, двадцатилетняя Хадиджа и я с двумя дочерьми, мой племянник. В нас стали стре лять, пуля попала в четырех летнюю Вусалию. Армяне подо шли к нам и сразу же отняли серьги и у кого были кольца, отвели нас Пирджамал, потом в Ханкенди. Там было много девушек, бородачи и солдаты измывались над ними, как могли... Потом нас привели в Аскеран, у моей дочери стала гнить рана, она все время те ряла сознание... Потом фрон товикам удалось нас на что-то обменять».

Агаяров Наби — десять лет, Агаярова Севиндж — семь лет, Агаяров Роман — шесть лет. О Аллах, разве можно позволить, чтобы мать троих детей в одно часье стала бездетной?! Агая рова Садагят Гусейн гызы не смогла заговорить, хотела, но, сжав губы, заикаясь и в слезах, могла лишь произнести: «...Мы пять дней ночевали в лесу на снегу, в двоих детей попали пу ли... они умерли от ранений, а Роман замерз...»

Хумар Салимова, девят надцать лет: «25 февраля ста ли сильно стрелять. В Ходжалы вошли танки и еще похо жие на танки, но на колесах. Братья пошли узнать, что про исходит. А когда прибежали, сказали, что там русские сол даты и армяне. Братья сказали, что надо срочно бежать. Мы взяли детей и побежали к горе Кятеин. Когда мы бежали, от снаряда убило женщину, бе жавшую рядом со мной, а ме ня ранило в плечо и лицо, я больше не могла бежать... я ползла... на дне оврага я увиде ла наших соседей, мы

ползли к канаве, чтобы спрятаться от снарядов и пуль... Когда рас светло, возле канавы оказались армяне и русские, они сильно ругались и снова стали стрелять. Гулиева Талеха убили выстрелом в рот, после чего на глазах у жены стали разбивать его голову, когда Рахилия Гулиева закричала, ее тоже застрелили. Годовалый Самир ползал по мертвой матери и кричал, т.е. плакал, очень громко плакал, тогда один армянин раз бил ему голову прикладом от автомата... меня схватил армянин и потащил куда-то. Он бил меня, чтобы я шла, но я не могла переступить через лежащие на земле трупы. Кто-то снова начал стрелять и мне по пали в руку, я упала. Среди мертвых так и лежала. Я думала, что я тоже мертвая. Когда стемнело, я пыталась ползти, потом услышала азербайджанские голоса, закричала: «Ма ма!» — больше ничего не по мне, проснулась в больнице».

«В ночь с 25 на 26 февраля армянские вооруженные формирования при поддержке танков, БМП и личного состава 366-го мотострелкового полка осуществили захват города Ходжалы, — пишет в своих воспоминаниях Юрий Гирченко в седьмой главе книги «Армия государства, которого нет». — ...Нет-нет, не весь полк принимал в этом участие, а только второй батальон. Командование полка не знало о происходящем. Подготовка к штурму происходила в тайне. Но все же одним из руководителей штурма был именно командир второго батальона. По чему так произошло? А все очень просто!

Командир второго батальона, почти все офицеры, а так же все прапорщики в батальоне не были армянами. В эту ночь они собрали всех солдат-армян в полку, а также несколько добровольцев других национальностей и по предварительной договоренности с руководителями Национально-освободительной Армии Арцаха приступили к совместному штурму Ходжалы.

В 23.00 начался двухчасовый массированный артобстрел города из танков, БМП, БТР и модифицированных установок «Алазань». Затем с часа ночи до четырех часов утра начали наступление на город.

...Но был второй пост, о существовании которого азербайджанцы не подозревали. И с этого поста с близкого расстояния армяне начали из пулеметов расстреливать ходжалинских беженцев. Причем, убивали без разбора, как взрослых, так и детей, как молодых, так и стариков...

...Дорога постепенно превращалась в кроваво-снежное месиво, усыпанное трупами людей... Около армянского села Нахичеваник беженцы попали под шквальный огонь армянских БТР... Окровавленные трупы лежали вповалку, друг на друге... Часть азербайджанской колонны ушла в сторону села Гюлаблы, и там около двухсот человек были захвачены в плен.

Но был еще и второй поток беженцев... Люди, идущие этим маршрутом, обходили Аскеран с правой стороны. Их тоже обстреливали армяне. Обстреливали так же, не выискивая среди бегущих вооруженных джигитов. Среди этого потока армяне брали заложников, при этом некоторых из них убивали на месте, а азербайджанским омоновцам топорами рубили головы. Кое-кому из заложников выкалывали глаза, отрезали уши, скальпы ровали, а потом уже убивали.

Многие беженцы сбились с пути и просто замерзли по дороге. А те, кто все-таки добрался до Агдама, были с сильными обморожениями.

После того как город Ходжалы был взят армянами, в нем оставалось около трехсот азербайджанских мирных жителей. Все они были взяты в заложники и вывезены в течение трех суток в Степанакерт (Ханкенди — Т.Ч.) и Аске ран».

Бывший корреспондент газеты «Московские новости» Виктория Ивлева признается, что участвовала в захвате Ходжалы как солдат этого полка, во втором эшелоне: «...Я заметила, что навстречу движется что-то напоминающее облако, это оказалась толпа полуодетых людей. Последняя в толпе турок шла женщина с тремя детьми, босая, по снегу. Она еле передвигалась, часто падала, оказалось, что самому маленькому из ее детей, грудному, всего два дня».

Дальнейшую судьбу этой женщины можно было проследить на телевизионной пленке Чингиза Мустафаева, где вместо звука — рыдание оператора: людей расстреливали на пологом склоне холма прямой наводкой. На одной из фотографий, принадлежащей Виктории Ивлевой, четверо доблестных фиданов — над трупами поверженных «азеров». Так фотографировались фашисты в победном угаре на фоне виселиц...

Свидетельствует корреспондент газеты «Известия» В. Белых: «...Время от времени в Агдам привозят обмененных на живых заложников тела своих погибших азербайджанцев. Но в ночном кошмаре такого не привидится... выколотые глаза, отрезанные уши, снятые скальпы, отрубленные головы... связки из нескольких трупов, которые долго таскали по земле на веревке за броне транспортером... издевательств вам предела нет...»

Военный летчик, майор Леонид Кравец: «...26 февраля я вывозил из Степанакерта раненых и возвращался обратно через Аскеранские ворота, в глаза бросились внизу какие-то пятна. Снизился, и вдруг мой бортмеханик закричал: «Смотрите, там женщины и дети». Да я и сам уже увидел около двухсот убитых, разброшенных по склону, среди которых бродили люди с оружием... потом мы летали, пытались забрать трупы, с нами был местный капитан милиции, он нашел там своего четырехлетнего сына... с раздробленным черепом... и тронулся рассудком. У другого ребенка, которого мы успели по добрать,

прежде чем нас стали обстреливать, оказалась отрублена голова. Изувеченные тела женщин, детей, стариков я видел повсюду...»